

A black and white portrait of Allen Dulles, a man with a mustache, wearing a suit and tie. The portrait is the background of the entire page.

**ГЛАВА
АМЕРИКАНСКОГО
РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО
ЦЕНТРА В БЕРНЕ
В ГОДЫ ВТОРОЙ
МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

АЛЛЕН ДАЛЛЕС

**ГЕРМАНСКОЕ ПОДПОЛЬЕ
В 1942–1944 ГОДАХ**

Аллен Даллес

**Германское подполье
в 1942—1944 годах**

«Центрполиграф»

2000

УДК 94(4)"1939/45"
ББК 63.3(0)62

Даллес А.

Германское подполье в 1942—1944 годах / А. Даллес —
«Центрполиграф», 2000

ISBN 978-5-9524-5997-7

Автор настоящего издания Аллен Даллес, занимавший дипломатические посты в Вене и Берне во время Первой мировой войны, потом служивший в Государственном департаменте и ставший впоследствии директором ЦРУ, во время Второй мировой войны был главой Американского разведывательного центра в Берне. В 1942 году по заданию Центра установил связь с германским подпольем, которое не раз организовывало покушение на Гитлера. Его рассказ о немецком сопротивлении, о контактах союзников с оппозицией – это история людей из всех слоев немецкого общества – от ведущих фигур, таких как военачальники Л. Бек, К. Гёрделер, К. Хаммерштейн, до обычных госслужащих, интеллигентов, представителей профсоюзов и церкви, объединившихся в кружок Крейзау, – рисковавших жизнью в борьбе с гитлеризмом за свободу личности. Это книга об антинацистском противостоянии тоталитарному режиму. В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

УДК 94(4)"1939/45"

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-9524-5997-7

© Даллес А., 2000

© Центрполиграф, 2000

Содержание

Предисловие	6
Глава 1. Штаб-квартира Гитлера в Восточной Пруссии, 20 июля 1944 года	8
Глава 2. Эволюция полицейского государства	14
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Аллен Даллес

Германское подполье в 1942–1944 годах

Allen Welsh Dulles

Germany's Underground the Anti-nazi Resistance

© Перевод, ЗАО «Центрполиграф», 2023

© Художественное оформление, ЗАО «Центрполиграф», 2023

* * *

Предисловие

В истории Германии 20 июля 1944 года – знаменательная дата. В этот день группа немцев сделала последнюю отчаянную попытку убить Гитлера и создать правительство, которое, очистившись от всех нацистов, подписало бы безоговорочную капитуляцию – если бы не удалось добиться более благоприятных условий. Судьба сотен тысяч солдат и гражданских лиц как Германии, так и стран антигитлеровской коалиции зависела от бомбы, которую заговорщикам удалось пронести в штаб-квартиру Гитлера. Это был первый шаг в их тщательно продуманном плане по уничтожению нацистского режима. Своему плану заговорщики дали кодовое название «Валькирия».

Примерно за двадцать месяцев до этого покушения на жизнь Гитлера я приехал в Швейцарию по заданию Управления стратегических служб, созданного и возглавляемого энергичным и изобретательным генералом Уильямом Дж. Donovanом. Моей первой и самой важной задачей было выяснить, что происходит в Германии. Среди прочего Вашингтон хотел знать, кто в Германии является истинным противником гитлеровского режима и ведут ли эти люди реальную работу по его свержению. При взгляде извне часто казалось, что Гитлер действительно сумел покорить всю германскую нацию, то ли загипнотизировав, то ли запугав ее.

Из Швейцарии я смог установить контакт с германским подпольем и в течение долгих месяцев до кульминации заговора 20 июля поддерживал связь с теми, кто планировал избавить Германию от нацистов и нацистского государства. Курьеры, рискуя жизнью, сновали между Швейцарией и Германией, доставляя отчеты о продвижении дел у заговорщиков, и по организованным мною тайным каналам эти отчеты приходили ко мне. Последний из этих курьеров так никогда и не вернулся. Он был пойман и позднее казнен. Но именно он доставил мне сведения о том, что план по уничтожению Гитлера полностью разработан и люди, которые должны его осуществить, подготовлены. 13 июля я отправил из Берна в Вашингтон радиogramму, где говорилось, что заговорщики прислали мне следующее сообщение: «В ближайшие недели у нас будет последний шанс доказать решимость самих немцев избавить Германию от Гитлера и его банды и установить достойный режим».

После победы назначение на работу в Германию дало возможность удовлетворить мое живейшее любопытство относительно всего этого заговора и участвовавших в нем людей. Несмотря на то что Гиммлер бросил все ресурсы гестапо на то, чтобы отследить каждого, кто имел хотя бы малейшее отношение к заговору, и несколько тысяч человек были казнены, нашлись и немногие выжившие, и с некоторыми из них мне довелось познакомиться достаточно близко. Кроме того, нацисты больше заботились об уничтожении людей, которые могли бы свидетельствовать против них, чем об уничтожении письменных документов. Архивы гестапо и стенографические отчеты о судах над заговорщиками раскрыли поразительные детали о заговоре и его участниках. Множество дополнительных фактов содержалось в отчетах Нюрнбергского трибунала.

Вопреки общему впечатлению, в Германии действительно работало антинацистское подполье. Оно сложилось из разнородных групп, которым в конце концов удалось объединить усилия и проникнуть в жизненно важные структуры армии и государственные органы. В нем принимали участие люди разных профессий, церковные и рабочие лидеры и высшие офицеры с разных фронтов. Наконец, к нему примкнули даже фельдмаршалы Роммель и фон Клюге, но это случилось лишь в последние дни, когда они увидели, что военная победа от них ускользнула. Но были и другие: не приспособленцы, а люди совершенно иных моральных устоев, как военные, так и гражданские; люди, которые боролись с гитлеризмом долгие годы.

История немецких антинацистов, которые рисковали жизнью, заслуживает того, чтобы о ней рассказать. Это не просто история заговора. Это, безусловно, неопровержимое доказа-

тельство, что борьба за свободу личности не прекращается даже в тоталитарном государстве. Знание о том, что это имело место даже в нацистской Германии, воодушевляет.

Глава 1. Штаб-квартира Гитлера в Восточной Пруссии, 20 июля 1944 года

Около полуночи по центральноевропейскому времени 20 июля 1944 года Европа содрогнулась, услышав радиообращение Адольфа Гитлера. Уже несколько месяцев он молчал. В сложившейся военной ситуации он мало что мог сказать. Высадка союзников во Франции прошла успешно, прорыв вглубь континента был в самом разгаре. Русские стояли у ворот Варшавы и угрожали Восточной Пруссии.

«Если сегодня я обращаюсь к вам, – говорил фюрер, – то я делаю это по двум причинам. Во-первых, чтобы вы услышали мой голос и знали, что я не ранен и чувствую себя хорошо; во-вторых, чтобы вы узнали о подробностях преступления, не имеющего себе равных в истории Германии».

Затем он описал преступление:

«Очень маленькая группа честолюбивых, беспринципных и в то же время безрассудных, преступно глупых офицеров организовала заговор, чтобы свергнуть меня и вместе со мной ликвидировать высшее германское командование. Бомба, которую подложил полковник граф фон Штауффенберг, взорвалась в двух метрах справа от меня. Она очень серьезно ранила нескольких дорогих мне соратников. Один из них умер. Я лично нисколько не пострадал, если не считать незначительных царапин, синяков и ожогов».

Гитлер утверждал, что план напоминал заговор Бадольо против Муссолини. Группа, которая совершила его, «считала, что таким образом всадит кинжал нам в спину, как в 1918-м».

Естественно, Гитлер пытался преуменьшить значимость заговора:

«Круг, куда входили заговорщики, был крайне узок. Он не имел никакого отношения к германским вооруженным силам...»

«Это очень маленькая шайка преступных элементов, которые теперь будут безжалостно уничтожены».

«На этот раз, – продолжал он, – мы посчитаемся с ними, как мы, национал-социалисты, делаем это обычно». А потом, срываясь на характерный гитлеровский крик, он призвал своих сторонников «с безжалостной решимостью нанести этим элементам ответный удар и либо немедленно арестовать их, либо – если они окажут сопротивление – уничтожить».

В заключение фюрер заявил, что исход заговора – это «ясное указание providения, что я должен продолжать свою работу». И он продолжил ее до своего страшного конца.

Когда утром 20 июля полковник Клаус Шенк граф фон Штауффенберг, выехав из Берлина, направился в тайную штаб-квартиру Гитлера в Восточной Пруссии, он вез с собой подробные планы по созданию из резервной армии (Ersatzheer) нескольких новых фронтовых дивизий, для чего требовалось наскрести остатки со дна этого последнего котла германской живой силы. Однако его заметно раздувшийся портфель наполняли не только эти планы и документы. В нем была спрятана бомба, одна из тех, что изготавливали в Британии и проводили на территории оккупированных немцами стран для осуществления диверсий. Компактность и остроумная конструкция этих бомб так заинтересовали германскую полицию, что она передала их для изучения германской разведывательной и контрразведывательной службе – абверу. У этих бомб не было контрольного часового механизма. В действие их приводили, раздавливая стеклянную капсулу, содержащую кислоту, которая разъедала проволоку, удерживавшую боек от детонатора, воспламеняющего взрывчатое вещество. Толщина проволоки определяла время, за которое кислота разъедала ее и высвобождала боек. Несколько таких

бомб было заранее припасено соратниками Штауффенберга из абвера и спрятано в Берхтесгадене одним из заговорщиков, генералом Гельмутом Штиффом, поскольку первоначально покушение планировалось организовать в этой альпийской резиденции Гитлера. Когда Гитлер уехал в свою штаб-квартиру в Восточной Пруссии, бомбы забрали из Берхтесгадена и передали в Берлине Штауффенбергу.

До 20 июля Штауффенберг уже дважды пытался убить Гитлера. 11 июля он примчался в Берхтесгаден, но так и не установил бомбу, поскольку там не оказалось ни Гиммлера, ни Геринга, которых заговорщики хотели убить так же, как и Гитлера. Несколько высших офицеров, в особенности фельдмаршалы Клюге и Роммель, соглашались присоединиться к заговору только при условии, что Гиммлер и Геринг будут ликвидированы одновременно с Гитлером.

Вторая попытка должна была произойти 16 июля, когда в штаб-квартире Гитлера было назначено совещание. И снова план не сработал. В последний момент ни Гитлер, ни Гиммлер, ни Геринг на совещание не явились.

Неудачи Штауффенберга подверглись суровой критике его товарищей-заговорщиков. 16 июля в расчете на успех заговора находившиеся поблизости от Берлина войска под командованием его участников были подняты по тревоге и двинулись на Берлин. Найти благовидный предлог для этих действий было трудно, но офицерам удалось выдать их за учения по обороне столицы.

Теперь нервы заговорщиков натянулись до предела, поскольку существовала опасность утечки и они не были уверены, что Гиммлер еще не проведал об их заговоре. Нам самом деле за несколько месяцев до этого Гиммлер говорил шефу абвера адмиралу Вильгельму Канарису, который – чего не знал Гиммлер – был тоже причастен к заговору, что ему, Гиммлеру, известно, что ряд офицеров вынашивают идею переворота. Гиммлер дал понять, что очень хорошо осведомлен об этом и может себе позволить дожидаться наиболее подходящего момента для их ареста. Он даже назвал имена двух главарей – генерала Людвиг Бека и Карла Фридриха Гёрделера. 17 июля глава уголовной полиции Гиммлера Артур Небе, примкнувший к заговору, сообщил, что готовится ордер на арест Гёрделера и ему необходимо немедленно скрыться, что тот и сделал. Юлиус Лебер – один из лидеров социал-демократов, участвовавший в заговоре, – уже был арестован. Примерно в то же время один морской офицер из абвера, знавший о планах покушения, присутствовал на приеме, который давала глава социалистов Потсдама и внучка Бисмарка фрау фон Бредов, отличавшаяся таким твердым характером, что ее называли «единственным мужчиной среди потомков» железного канцлера. Там этот морской офицер, к своему большому изумлению, услышал, как некий молодой офицер совершенно открыто говорил о планируемом покушении на жизнь Гитлера.

Заговорщики не могли терять времени, если хотели нанести удар раньше, чем это сделает Гиммлер.

Штауффенбергу поручили заложить бомбу, поскольку он был единственным членом узкого круга заговорщиков, имевшим непосредственный доступ к Гитлеру без опасений, что его станут досматривать. Как связной между командованием резервной армии и штаб-квартирой фюрера он должен был присутствовать на совещаниях высшего командования, которые, как правило, посещал Гитлер.

Выбор был не самым удачным, так как Штауффенберг получил тяжелое ранение в Африке, лишился левой руки и двух пальцев на правой. Кроме того, он плохо видел левым глазом. Таким образом, при необходимости он не смог бы стрелять или сделать что-то еще, кроме как заложить бомбу и запустить детонатор. Но его личное мужество не вызывало сомнений. Штауффенберг был готов при необходимости остаться в комнате во время взрыва. Его соратники высказались против этой жертвы: он слишком способный организатор, чтобы они могли позволить себе потерять его. Кроме того, поскольку Штауффенберг помогал разрабатывать планы использования резервной армии, он знал, на какие подразделения могут рассчитывать

заговорщики и насколько надежны различные офицеры. Но главное, его личная популярность среди подчиненных и способность взять на себя важнейшие вопросы командования армией делали Штауффенберга незаменимой фигурой для успеха путча. Его часто характеризовали как «распорядителя заговора».

У заговорщиков имелось несколько единомышленников в штаб-квартире Гитлера в Восточной Пруссии. Главным среди них был генерал Эрих Фельгибель, который отвечал за войска связи вермахта. Его задачей было, как только бомба взорвется, известить об этом заговорщиков в Берлине, а затем вывести из строя центр связи в штаб-квартире и, следовательно, оборвать всю ее телефонную, радио- и телетайпную связь с внешним миром. Таким образом, у заговорщиков было бы время взять под контроль аппарат правительства в Берлине, прежде чем кто-либо из окружения Гитлера сможет принять ответные меры.

После повторной неудачи 16 июля Штауффенберг решил, что в следующий раз, что бы ни случилось и кто бы ни присутствовал на совещании, если там будет Гитлер, он заложит бомбу. Но даже глава заговора генерал Бек отнесся к этому скептически. «Лошадь, которая отказалась прыгать дважды, – говорил он, – едва ли прыгнет в третий раз». Однако все понимали, что у этого заговора никогда не будет четвертой возможности.

Последний шанс представился Штауффенбергу 20 июля. Гитлер отбыл из Берхтесгадена на Восточный фронт. Его штаб-квартира недалеко от Растенбурга располагалась в глубине соснового леса вблизи одного из бесчисленных озер, испещривших эту часть Восточной Пруссии. Она носила кодовое имя *Wolfschanze*, что означает «Волчье логово».

День выдался жаркий, и совещание перенесли из одного из хорошо защищенных кирпичных бомбоубежищ, где взрыв произвел бы максимальный эффект на людей, в хлипкие деревянные казармы. Ни Гиммлер, ни Геринг не присутствовали. На самом деле советов Геринга по военным вопросам уже какое-то время никто не спрашивал. Но обычные соглашатели, окружавшие Гитлера, включая фельдмаршала Вильгельма Кейтеля и генерала Альфреда Йодля, были на месте. За несколько минут до начала совещания в «Волчье логово» прибыл генерал Карл Боденшац, приписанный к находившейся на расстоянии сорока миль штаб-квартире Геринга, чтобы подготовить Гитлера к встрече с Муссолини и Грациани, которые должны были приехать вечером того же дня. Согласно свидетельству Боденшаца, после того как он закончил свой доклад, Гитлер попросил его присутствовать на традиционном дневном совещании. Боденшац сказал: «Я не хотел идти, но пошел, и через пятнадцать минут произошло покушение».

Единственный обстоятельный и подробный рассказ о том, что произошло в те судьбоносные минуты, предоставил один из доверенных секретарей Гитлера Хайнц Бухгольц, который делал заметки по ходу совещания. Вот что сказал Бухгольц американским следователям в Нюрнберге.

20 июля совещание у фюрера проводилось в обычное время – в 12.30 дня. Оно началось ровно в это время с заявления генерал-лейтенанта Хойзингера о ситуации на Восточном фронте. Спустя несколько минут, примерно в 12.35, пришел фельдмаршал Кейтель в сопровождении нескольких офицеров, среди которых был полковник Клаус фон Штауффенберг. «Я запомнил графа фон Штауффенберга, – сказал Бухгольц, – высоким стройным человеком с темными волосами и смуглым лицом. Он подорвался на mine во время Африканской кампании и был тяжело ранен. Ему ампутировали одну руку, а в день покушения один глаз у него был закрыт черной повязкой».

Штауффенберг не часто присутствовал на этих совещаниях, и Гитлер его не узнал. Кейтель представил его фюреру, а затем подошел к столу с картой, вокруг которого собрались все присутствующие, и встал слева от фюрера. Штауффенберг поставил свой портфель под стол всего в шести футах справа от Адольфа Гитлера, а сам немного отступил назад. Оперативный офицер Генерального штаба полковник Брандт, стоявший рядом с портфелем, обнаружив, что

портфель ему мешает, отодвинул его немного вправо, дальше от Гитлера. В результате одна из опор, на которых держался стол, оказалась непосредственно между Гитлером и портфелем.

Однако Штауффенберг об этом не знал, поскольку несколькими минутами раньше, примерно в 12.40, его вызвали к телефону. Позднее из показаний телефониста выяснилось, что Штауффенберга вызвал его адъютант, лейтенант Вернер фон Хефтен, чтобы дать ему повод выйти из комнаты. Всего через несколько минут после того, как они вышли, бомба взорвалась. «Я помню, что взрыв сопровождался вспышкой желтого пламени и густым дымом», – рассказывал Бухгольц. – В воздух взлетели осколки стекла и куски дерева. Большой стол, на котором были разложены оперативные карты и вокруг которого стояли участники совещания – сидели только стенографисты, – рухнул. Затем последовали несколько секунд тишины, и я услышал, как голос, вероятно принадлежавший фельдмаршалу Кейтелю, произнес: „Где фюрер?“»

Поддерживаемый Кейтелем Гитлер смог выйти из казарм и направиться в свои покои. За ним потащились остальные: раненые, окровавленные, с покрытыми черной копотью обожженными руками и лицами, с растрепанными опаленными волосами, в разорванной, заляпанной пятнами форме.

Сначала большинство присутствующих, включая самого фюрера, подумали, что бомбу бросили в комнату снаружи, поскольку окна были открыты, или что она находилась под полом. Но вторую гипотезу быстро отмели, так как от взрыва половые доски оказались вдавлены вниз, а не подброшены вверх. Расследование, проведенное во второй половине того же дня, практически не оставило сомнений, что взрывное устройство было размещено в комнате, где проходило совещание, в портфеле Штауффенберга.

Во время взрыва Гитлер стоял, склонясь над картами и опираясь на стол правой рукой. Эта рука оказалась частично парализована, а правая нога была обожжена и поранена. Кроме того, повреждены были обе барабанные перепонки, что повлияло на слух. Несмотря на отсутствие ранений, угрожавших его жизни, Гитлер так никогда до конца не оправился от этого физического и морального шока.

Ранения получили два десятка офицеров, которых позднее фюрер наградил специальными знаками отличия с надписью: «Гитлер, 20 июля 1944». Четыре человека скончались: генерал-майор Шмундт – главный адъютант фюрера из вермахта, который вел его военный дневник, генерал Кортен, полковник Брандт и один из стенографистов Генрих Бергер. Бергера часто упоминали как «двойника» Гитлера из-за их внешнего сходства, однако нет никаких доказательств, что его когда-либо использовали в этом качестве.

Тем временем Штауффенберг спокойно миновал охрану и добрался до предназначенного ему автомобиля. Автомобиль ждал на стоянке, расположенной в нескольких сотнях ярдов от казарм, где находился Гитлер. К нему присоединился главный представитель заговорщиков в штаб-квартире в Восточной Пруссии генерал Фельгибель. Вдвоем они считали минуты до взрыва. Потом, уверенный, что Гитлер мертв и его работа сделана, Штауффенберг отправился на аэродром, находившийся в пятнадцати минутах езды, где его ждал курьерский самолет, чтобы доставить назад в Берлин.

На этом этапе произошла критическая и фатальная для заговорщиков ошибка. Генерал Фельгибель не взорвал центр связи. То ли у него сдали нервы, когда он увидел, что Гитлер жив, то ли случился какой-то технический сбой, этого мы никогда не узнаем. Вскоре он был казнен, и вместе с ним умерла его тайна. В любом случае этот провал Фельгибеля позволил подручным Гитлера связаться с внешним миром и, что более важно, узнать о ситуации в Берлине.

Поначалу фюрер хотел скрыть покушение от немецкого народа. Прошло двенадцать часов, то есть была уже глубокая ночь, когда он выступил со своим обращением. К тому времени до «Волчьего логова» уже дошли доказательства того, что бомба Штауффенберга не единственный инцидент. Ордера на арест заговорщиков из берлинской штаб-квартиры были выданы. Берлин, Париж, Вена, Прага, Белград и другие части Германии и оккупированных немцами

стран пришли в движение. В штаб-квартиру Гитлера потоками стекались полные смятения вопросы. Голос фюрера, прозвучавший по сохранившимся линиям связи, стал смертоносным оружием в подавлении мятежа и возвращении в строй трусливых и колеблющихся.

По странному совпадению именно в этот день Гитлер удостоил беседы Муссолини, который давно докучал ему просьбой о встрече. Через несколько часов после взрыва Гитлер с забинтованной правой рукой посетил Муссолини и Грациани в их поезде. С севера Италии их сопровождал офицер СС штурмбаннфюрер Евгений Доллман, которого правильнее было бы называть своего рода дипломатическим представителем СС (первоначально элитной нацистской гвардии, позднее практически государства в государстве) в Италии и связным между СС и Муссолини. Доллман дал живое описание этой мрачной встречи между дуче, ставшим затем почти изгоем в собственной стране, и фюрером, который только что чудом избежал смерти. Как сильно она отличалась от тех встреч в Зальцбурге, Венеции и Бреннере, когда два диктатора делили Европу!

Теперь, согласно Доллману, ближний круг Гитлера собрался возле него. Приехал Риббентроп, штаб-квартира которого находилась неподалеку. Так же поступили Гиммлер и Геринг. Это была невеселая вечеринка. Все еще бледный Гитлер сказал Муссолини, что пережил самую большую удачу в своей жизни. Вместе они осмотрели груды мусора, оставшуюся на месте взрыва. В пять часов началось совещание. Фюрер молчал и долгое время, уставившись в пространство, жевал разноцветные пилюли, которыми его снабжал профессор Тео Морелл¹ — шарлатан, которого он сделал своим врачом. Однако другие, почти не обращая внимания на итальянских гостей, принялись спорить, обвиняя друг друга в том, что война до сих пор не выиграна. Риббентроп набросился на генералов и требовал, чтобы его называли фон Риббентроп. (Он получил право именоваться «фон» только после того, как в 1925 году его усыновила незамужняя тетка Гертруда.) Геринг грозил ему своим маршальским жезлом. Кейтель пытался оправдываться. Муссолини пришел в ужас и старался сохранять достоинство среди этих северных варваров.

Доллман не мог сказать точно, кто и почему упомянул кровь, пролившуюся 30 июня 1934 года, когда был убит Рём. Это вывело Гитлера из летаргического состояния. Он вскочил и с пеной на губах заорал во весь голос, что Провидение снова показало ему, что именно он избран, чтобы определить судьбу мира. Его месть падет даже на женщин и детей! И если кто-нибудь встанет против божественного Провидения, ответом будет глаз за глаз и зуб за зуб.

По словам офицера СС, это продолжалось в течение получаса и окончательно потрясло Муссолини. Затем явился лакей в белой униформе, чтобы подать чай, и Гитлер успокоился. Фельдмаршал Грациани сделал попытку сменить тему и стал рассказывать Кейтелю об итальянских противовоздушных установках, которые немцы хотели получить для организации боины на Востоке.

В этот момент кто-то позвонил из Берлина, чтобы сообщить, что порядок там до сих пор не восстановлен. Гитлер сам схватил трубку и снова начал орать. Он дал СС полное право расстреливать каждого, кого они пожелают, и совершенно вышел из себя, когда услышал, что Гиммлер, который только что вылетел из Восточной Пруссии, чтобы взять на себя Берлин, еще не прибыл туда.

¹ Гитлер безгранично доверял Мореллу, который делал ему уколы и давал пилюли, обладающие «бодрящими свойствами». Его медицинские советы внесли свой вклад в физический упадок фюрера, наблюдавшийся в последние месяцы войны. В разговоре с Муссолини 23 апреля 1944 г. Гитлер описал профессора Морелла как «самого передового врача, разработавшего свою теорию бактерий, о которой современные университеты имеют лишь очень слабое представление». Гитлер признавал, что немецкие медики относятся к Мореллу с подозрением, но сравнил их неприятие с тем, как это было с Кохом, и заметил, что «не стоит ждать, что университетский профессор вдруг признает, что все его прежние знания бесполезны». (Здесь и далее примеч. авт., если не указано иного.)

Потом Гитлер успокоился и выдал монолог, проникнутый жалостью к самому себе. Он сказал, что немецкий народ не достоин его величия и не ценит то, что он для него сделал. Это вызвало поток эмоциональных отрицаний со стороны его прихвостней, которые соперничали друг с другом, уверяя фюрера в своей преданности. Геринг перечислял, что он сделал ради достижения целей нацистов и укрепления их воздушных сил. Дёниц превозносил героизм военноморского флота. Но потом Геринг и Риббентроп снова затеяли спор. И так продолжалось до тех пор, пока офицер СС не увел оттуда ошеломленных итальянцев.

Пока в Восточной Пруссии происходило это безумное чаепитие, в остальной Германии полилась кровь. Людей тысячами сгоняли вместе, арестовывали, пытали и убивали, чтобы гитлеровский тысячелетний рейх смог протянуть еще двести девяносто дней.

Глава 2. Эволюция полицейского государства

События 20 июля стали кульминацией серии заговоров и покушений, ведущих свое начало еще с довоенных времен. Оно было не одиночной спонтанной попыткой переворота, а последней спланированной частью отчаянных усилий по уничтожению нацистской тирании. Те немцы, которые участвовали в этом заговоре, годами вели работу.

История германского сопротивления знала моменты высокого драматизма и горьких разочарований, в ней были свои храбрые герои и свои прагматичные химеры. Стремясь правильно понять эту драму, нужно осмыслить предысторию гитлеровской Германии, борьбу с которой вели действующие лица этой трагедии, и понимать, каким образом Гитлер захватил власть в Германии и превратил ее в полицейское государство.

В течение десяти лет, предшествовавших приходу Гитлера к власти, Национал-социалистическая рабочая партия Германии (НСДАП) притягивала к себе как националистов справа, так и рабочих слева. Она вобрала в себя и те элементы немецкого населения, которых мало интересовала возможность голосовать на выборах, которые не имели каких-то определенных партийных предпочтений. Среди них было много молодых людей, едва успевших получить избирательное право, и разочарованных ветеранов Первой мировой войны. В пользу Гитлера сыграла также общемировая депрессия, наступившая после 1929 года. Однако на выборах ноября 1932 года поддержка нацистской партии впервые снизилась. Многие немцы, которые с все возрастающей тревогой наблюдали ее неуклонный прогресс, почувствовали, что эта волна наконец пошла на спад и опасность миновала. Но на этих выборах коммунистическая партия выиграла больше, чем потеряли нацисты. Старый и немощный президент Гинденбург под влиянием своих советников-реакционеров, и в особенности своего сына Оскара и фаворита Папена, пришел к выводу, что выбор лежит между коммунизмом и нацизмом и что на следующих выборах к власти придут коммунисты. В панике он назначил Гитлера канцлером. Это было сделано в такой конституционной и по-немецки старомодной манере, что большинство немцев не смогли осознать значимости того, что происходит.

Многие промышленники, точно так же боявшиеся коммунизма, разделяли точку зрения консерваторов, которые помогли нацистской партии прийти к власти, и оказали ей финансовую поддержку.

Об этом совершенно определенно высказался доктор Ялмар Шахт, давая показания в Нюрнберге. В феврале 1933 года, сразу после того, как Гитлер пришел к власти и прямо перед выборами, которые позволили ему удержать ее, Шахт принимал участие в состоявшемся в доме Геринга событии, которое он описал как «финансовое совещание». Ниже приведены показания Шахта, ошибочно полагавшего, что он умнее Гитлера:

«Шахт. Если вы помните, Гитлер назначил выборы на 5 марта и хотел, чтобы я помог ему в проведении предвыборной кампании. Он хотел, чтобы я снабдил его деньгами, что я и сделал. Геринг созвал всех этих людей, и я произнес речь – вернее, не речь, поскольку речь произнес Гитлер, – но я попросил их написать суммы, которые они обязуются предоставить на проведение выборов, и подписаться под ними, и они это сделали. Все вместе они подписались на сумму 3 000 000 рейхсмарок и поделили ее между собой.

Вопрос. Кто были те люди, которые вошли в подписной лист?

Шахт. Я думаю, все они были банкирами и промышленниками, владельцами химических, металлургических, текстильных предприятий и тому подобных...

Вопрос. Вы помните какие-нибудь конкретные имена?

Шахт. Там был старый господин Крупп, полагаю, Густав. Думаю, там были Шницлер и Феглер из „Объединенной сталелитейной компании“».

Кроме этого, по свидетельству доктора Шахта, на той же встрече Геринг заметил, что принести жертву, о которой шла речь – взносы в фонд нацистской партии, – «показалось бы немцам намного легче, если бы они знали, что выборы 5 марта [1933 г.] наверняка станут последними на ближайшие десять, а возможно, даже сто лет». Но даже подобное наглое утверждение не дало понять промышленникам Рура, какая судьба им уготована. Их не интересовали ни выборы, ни демократия. В конце концов, рассудили они, Гитлер, как Муссолини, наведет в стране «порядок», который немцы ценили так высоко.

Гитлер после этого принялся уничтожать своих оппонентов, натравливая одних на других, и ломать институты, на которых держалась свобода и демократия. Сначала он, к радости националистов, нарушив конституцию, изгнал из рейхстага коммунистов и подавил социалистическую партию. Потом он ополчился на реакционеров: Гугенберга, Папена и прочих. Он добился их покорности, позволив им сохранить свободу, собственность, а в каких-то случаях даже официальные посты, но следил за тем, чтобы их власть была всего лишь номинальной. Он подыграл промышленникам, уничтожив рабочие объединения, а потом использовал промышленность в интересах нацистской военной машины. Однако он оставил промышленникам как минимум мнимый контроль над своими предприятиями². За этим последовало уничтожение **всех** политических партий, подавление свободы прессы, жестокое убийство евреев и создание самого эффективного в своей безжалостности полицейского государства в истории. Он даже нападал на церкви, чтобы не дать им стать инструментом сохранения политической и личной свободы.

Наконец, Гитлер обратил свое внимание на высшее командование германской армии и на тех генералов, у которых имелся лидерский потенциал. Армия пыталась избежать нацистского влияния, но ее независимость была постепенно подорвана. Некоторые генералы сдались, когда Гитлер отказался выполнять условия Версальского договора, ограничивавшего численность германской армии, другие, которые остались тверды, были уволены или прямо, или при помощи различных уловок.

Уже в феврале 1934 года генерал-полковник Курт фон Хаммерштейн – самый либеральный из всех генералов-антинацистов – приказом министра обороны генерала (позднее фельдмаршала) Вернера фон Бломберга был освобожден от своих обязанностей. В июне того же года генерал Курт фон Шлейхер, бывший канцлер и самый опасный соперник Гитлера, был убит в ходе «ночи длинных ножей». Четыре года спустя главнокомандующий сухопутными силами генерал Вернер фон Фрич был дискредитирован с помощью сфабрикованного обвинения в гомосексуализме. Позднее он встретил смерть на поле боя в Польше. Слабый и подобоострастный министр обороны Бломберг был вынужден подать в отставку. Его женитьба на проститутке дала Герингу и Гиммлеру предлог, который они искали, чтобы от него избавиться.

Затем Гитлер унифицировал высшее командование сухопутных сил, флота и военно-воздушных сил. Декретом от 4 февраля 1938 года он создал единое «высшее командование вооруженных сил» и фактически сам стал министром обороны. Начальником Oberkommando der Wehrmacht (OKW), как стало называться новое объединенное командование, он назначил своего верного сторонника Вильгельма Кейтеля. Поставив созданные заново военно-воздушные силы, где доминировали нацисты, и менее нацифицированные сухопутные войска и флот под единое начало, Гитлер пытался снизить шансы возникновения оппозиции в вооруженных силах.

Гитлер не смог бы осуществить все это без поддержки немецкого народа, и в том числе восьми миллионов членов партии. Кроме того, он, к несчастью, нашел слишком много сторон-

² Позднее Гитлер пожалел о своей «снисходительности» в отношении высшего слоя общества. Отто Мейсснер, который был руководителем президентской канцелярии после окончания Первой мировой войны и на протяжении Второй мировой войны, цитировал слова Гитлера о том, что Ленин и Сталин были правы, уничтожив высшие классы России, и что он, Гитлер, совершил ошибку, не сделав того же. После 20 июля 1944-го он попытался исправить эту «ошибку».

ников в Англии, Франции, Соединенных Штатах и в других местах по всему миру. Притягательность этого «сильного лидера» не ограничивалась Германией.

Тем, кто сегодня судит о предвоенной Германии и, как это часто бывает, высказывает удивление, почему сами немцы не ликвидировали Гитлера еще задолго до войны, было бы не лишним вспомнить, что Уинстон Черчилль, этот ярый противник германского национализма и искушенный знаток европейской политики, написал в 1935 году в своей книге «Великие современники»:

«Мы не можем сказать, станет ли Гитлер человеком, который однажды снова навлечет на мир войну, способную безвозвратно погубить цивилизацию, или он войдет в историю как человек, восстановивший честь и душевное равновесие великой германской нации и вернувший ее сильной, спокойной и конструктивной в передовые ряды европейской семьи».

Он добавил, что историю борьбы Гитлера «невозможно читать без восхищения, благодаря мужеству, настойчивости и жизненной силе, которые позволяли ему бросать вызов, игнорировать или преодолевать любые авторитеты и сопротивление, преграждавшие ему путь».

Вскоре мистер Черчилль осознал правду и стал главнейшим британским пророком, возвестившим об опасности нацизма. Но его страна не спешила ему верить. В первой «Белой книге», опубликованной британским правительством во время Второй мировой войны, 20 сентября 1939 года, последний британский посол в Германии сэр Нэвил Хендерсон, в целом критикуя основные черты нацистской системы, сказал о Гитлере следующее:

«Было бы бессмысленно отрицать огромные достижения человека, который вернул германской нации самоуважение, дисциплину и порядок. Деспотичные методы, использованные для достижения этого результата внутри Германии, были отвратительны, но они касались только самой Германии. Многие социальные реформы герра Гитлера, несмотря на полное пренебрежение личной свободой мысли, слова и поступка, соответствовали прогрессивным демократическим принципам. Типичными примерами такой диктатуры во благо народа стало движение „Сила через радость“, заботившееся о физическом здоровье нации, но прежде всего организация трудовых лагерей, идею которых, как однажды сказал мне Гитлер, он позаимствовал у Болгарии. Не следует забывать и о том, насколько притягательным был нацизм с его лозунгами для не слишком разборчивой молодежи. Многие из его законодательства в этом отношении сохранятся и в новом лучшем мире, в котором Германия с ее поразительной способностью к организации и сделанным в прошлом огромным вкладом в науку, литературу, музыку, высокие цивилизационные цели и гуманизм снова станет играть лидирующую роль».

Что же касается самих немцев, то общеизвестно, что сразу же после прихода Гитлера к власти даже умные люди говорили: «Дайте ему почувствовать вкус власти. Не пройдет и шести месяцев, как он покажет свою неспособность руководить государством. Обязанности правительства погубят нацистов, и тогда мы, немцы, навсегда избавимся от них». Интеллектуалы в особенности поддались иллюзии, что Гитлер и его шайка слишком неотесанны и невежественны, чтобы справиться со сложным механизмом управления. Опыт последних десятилетий показал всем интеллектуалам будущего, что для управления государством «культура» не требуется.

Даже сегодня мы имеем обыкновение впадать в самодовольное и опасное заблуждение, считая Гитлера фигляром, глупцом и сумасшедшим фанатиком. На самом деле он был одним из самых ловких тиранов, которым когда-либо удавалось гипнотизировать народ. Он хорошо понимал «своих немцев». Он порастил простого человека и дал надежду и уверенность миллионам, которые при веймарском правительстве не видели способа преодолеть свои разочарования. Непосредственное знание этих разочарований и иллюзий масс прекрасно подготовило Гитлера к решению задачи обмануть деклассированную, вырванную с корнем несчастную Германию. Он овладел секретом демагогии, состоящим в том, чтобы дать некое объяснение – не

важно, насколько правдоподобное, — недовольству масс, а потом пообещать смягчить его. Гитлер убеждал снова и снова, пока самый малограмотный не понял, что в бедственном положении немецкой нации и личном несчастье каждого отдельного немца виноват Версальский договор, евреи и Веймарская республика, то есть демократия. Он обещал безработным занятость, ветеранам — возрождение милитаризма (хотя поначалу это был псевдомилитаризм штурмовиков), утратившим надежду он обещал восстановление германской славы.

Под началом Гитлера возникало ощущение возрождения, и представитель среднего или рабочего класса — «маленький человек» — чувствовал, как растут его шансы в этом мире, и обретал новое самоуважение. По сравнению с этими преимуществами что, в конце концов, значили какие-то там свободы, которыми он жертвовал? Так думал средний немец.

Из-за поражения Германии в Первой мировой войне, инфляции и характера самих немцев гитлеровская пропаганда оказалась успешной. В действительности она была далека от того, чтобы давать правдивую картину сложившейся ситуации. В годы между войнами, не считая послевоенного перемирия 1918—1922 годов, Германия не переживала какой-то более сильной нужды и лишений, чем многие другие европейские страны. Безработица в Германии была значительной, но она была такой повсюду и в Германии никогда не выходила из-под контроля. При Веймарской республике о безработных заботились с помощью страхования от безработицы и субсидий на продукты питания так же, как в Соединенных Штатах и в других странах. Экономически Германия развивалась. Она получила большие займы от США и нарастила свою промышленность и торговлю. Несмотря на то что политика репараций по Версальскому договору была достаточно жесткой, или, выражаясь точнее, невыполнимой на указанных условиях, на самом деле Германия платила мало, не считая поступлений по иностранным займам. Она лишилась некоторых частей своей прежней территории, но с экономической точки зрения эти потери не были катастрофическими. Польский коридор задевал германское самолюбие, но почти не снижал ее шансов на экономическое восстановление и стабильность.

В действительности национал-социализм был мятежом против принципов гражданских прав и обязанностей, против просвещения и прогресса, против достижений французской и американской революций. Он был заражен юношеским романтизмом, коренившимся в Wandervogel — движении буржуазной молодежи, бунтовавшей против строгой и скучной регламентации жизни в семье и в школе. Одним из его членов был Гесс. Не обладая достаточной решимостью и настойчивостью, чтобы, пройдя трудный путь, развивать идеи социального и политического прогресса, слишком многие немцы начали разочаровываться в этих идеалах и отказываться от них. Они говорили, что верят в демократию и доброе начало в людях, но, к несчастью, большинство людей не видят, в чем правда, поэтому демократия и прогресс должны насаждаться сверху и с помощью силы. Вред подобного заблуждения до сих пор не изжит в Германии.

Германская интеллигенция должна была сделать гораздо больше, чем она сделала. Ее беда заключалась в том, что она не имела политического опыта и утратила связь с народом. Интеллектуалы не поняли, что демократию никогда нельзя воспринимать как данность. Они не увидели жизненной необходимости встать на ее защиту. Степенным и державшимся отстраненно профессорам из немецких университетов гитлеровское движение, представленное в такой неудобоваримой книге, как «Майн кампф», казалось настолько смешным, что они не приняли его всерьез. Прежде чем они все поняли, многие были уволены, отправлены в тюрьму или, в лучшем случае, вынуждены были молчать или отправиться в изгнание.

Гитлер выстроил свою диктатуру под маской национального и духовного возрождения. В этом есть почти немыслимый парадокс. Многие немцы и достаточное число иностранцев даже после прихода Гитлера к власти по-прежнему верили, что система, построенная на подлейшей лжи и беспрецедентном садизме, была высокоморальной и благородной. Их поразили не поджог Рейхстага, а то, что своими декретами нацисты узаконили мораль нового типа: запретили

законом употребление губной помады, закрыли сомнительные ночные клубы, а также то, что статистика преступности в Третьем рейхе пошла на спад. Вершины лицемерия достиг союз нацистских писателей (Reichsschrifttumskammer), постановивший, что в детективах не должно быть больше двух убийств, чтобы «не возбуждать низменных инстинктов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.